

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.1+821.161.1+930.85

ГРНТИ 16.21.31, 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-97-110

А.М. ЛЮБОМУДРОВ***К 100-летию реформы
правописания. Судьба русского
языка в публикациях журнала
«Народоправство»**

Работа, приуроченная к 100-летию реформы русского правописания, посвящена истории борьбы за национальные культурные ценности в эпоху революционной ломки. В центре исследования — публикации 1917 г. в журнале «Народоправство», до сих пор остававшиеся вне поля зрения учёных. Это статьи «Судьба языка» Д. Аркина, «Обязательная неграмотность» Н. Досекина и «Наш язык» Б. Зайцева. Обращение к этим текстам позволяет уточнить особенности языкового сознания российского общества, внести дополнительные штрихи в картину культурно-исторического процесса начала XX в. Авторы статей, осознавая угрозу уничтожения культурного слоя, выступают против нарастающих негативных тенденций в языке, предлагают пути очищения русской речи, возвращения ей жизненности и силы. Центральный пункт полемики — орфографическая реформа, начатая Временным правительством и жёстко внедрённая большевиками. Рассмотрены аргументы против нового правописания, главный из которых — разрыв с многовековым достоянием народа.

В работу включён обзор выступлений писателей и творческих деятелей, пытавшихся, вслед за «Народоправством», добиться отмены реформы в первый год советской власти, а также приведены оценки традиционной орфографии в русском зарубежье и современном научном дискурсе.

Ключевые слова: Д.Е. Аркин, Н.В. Досекин, Б.К. Зайцев, русская литература, русский язык, речь, орфографическая реформа, правописание, алфавит, искусство, культурные ценности, русская революция, 1917 год

Сто лет назад, в эпоху революции, в России происходила грандиозная по своим масштабам ломка традиционной культуры. Многие художники, писатели, критики, публицисты активно включились в борьбу за сбереже-

ние национальных ценностей, оказавшихся под угрозой в результате падения царской власти. Главнейшей среди них была русская речь. Одним из острых пунктов полемики стала орфографическая реформа. В годы советской вла-

* Любомудров Алексей Маркович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), руководитель проекта «Неопубликованное наследие классиков русского литературного зарубежья» (15-04-00102а).
E-mail: anketaspb@yandex.ru

Рис. 1. Титульная страница еженедельника «Народоправство»

сти прогрессивный характер реформы не подвергался сомнению, а её противники были заклеены как сторонники царизма и «белоэмигранты». Но правда истории в том, что в годы проведения реформы (1917–1918) против неё единодушно выступили отнюдь не политики, а выдающиеся художники слова и творческие деятели. Важно понять, какие мнения и аргументы они приводили. Для этого обратимся к журналу московской интеллигенции «Народоправство» (рис. 1). Именно на его страницах появились самые яркие выступления в защиту русского слова — и устной речи, и письменности. Эти статьи на целое столетие оказались забытыми, выпали из научного оборота историков и филологов. Между тем обращение к ним, несомненно, внесет дополнительные штрихи в общую картину культурно-исторических процессов, затронувших Россию в эпоху революций 1917 г.

Еженедельник «Народоправство» выходил с июня 1917 по февраль 1918 г., его

издавало редакционное бюро Московской просветительской комиссии при временном комитете Государственной думы. Главным редактором был Г.И. Чулков. В журнале печатались московские учёные, философы, критики, а также именитые литераторы: А.Толстой, Г.Чулков, Вл.Ходасевич, А.Ремизов, Вяч. Иванов, М.Пришвин, Ив.Новиков, Бор. Зайцев. На страницах еженедельника обсуждались последствия революции, вопросы государственного и культурного строительства новой России [1]. Исследователи так определяют общественно-политическое лицо издания: журнал «выглядит явно правее центра и осмеливается утверждать такое чуть ли не табуированное тогда понятие, как национальное чувство» [2].

Нерадение о слове — признак общего духовного обнищания

Автор статьи «Судьба языка», напечатанной в номере от 1 сентября 1917 г., Давид Ефимович Аркин (1899–1957) (рис. 2) впоследствии стал известным советским художественным критиком, историком

архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В 1917 г. ему было 18 лет, он только что перешёл на второй курс Московского университета. Пафос его статьи — сбережение языка как главной «родовой драгоценности народа». В качестве эпиграфа он выбрал стихотворение И.А.Бунина «Слово» (1915):

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья..
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.*

По мысли Аркина, главная опасность, грозящая русскому слову, — прагматизм. Вышедшее из тьмы «хамское и звериное» намеревается приспособить язык к своим нуждам. «Прислушайтесь к говору улиц и площадей, к речам сходов, к каждодневным, обыденным разговорам: какая страшная бедность словаря, какое убожество словесных образов, какая грубая невнимательность к правильности и чистоте языка, какое нерадение о слове!»; «бедность языка есть лишь первый и самый яркий признак общего духовного обнищания» [3, с. 8, 9]. Автор отмечает прямую зависимость языка от самосознания:

«Судьбы национального сознания нераздельны с судьбами языка; утрата национального сознания (сказавшаяся, в настоящее время, так ярко и выразившаяся, между прочим, в подмене реальности, — национальной идеи — фикцией, идеей “интернационала”), есть утрата <...> языкосознания. Напротив, чаемое возрождение национального сознания будет неизбежно сопряжено с возрождением слова, языка» [3, с. 8–9] (здесь и далее курсив автора. — А.Л.).

«Болезнь языка» затронула не только «низы», но и образованный слой. Истоки Аркин усматривает в петровском време-

Рис. 2. Д.Е. Аркин

ни, когда оформился роковой для России отрыв интеллигенции от народа, который привёл к разобщению культур, глухой стеной отделил одну часть от другой. С той поры «народ» и «интеллигенция» заговорили на разных языках и в переносном, и в буквальном смысле. Теперь настало время стереть эту межу.

Заканчивается статья Аркина призывом к напряжённой творческой работе в области языка. Язык — следствие духовно-нравственного устройства общества, поэтому, справедливо полагает Аркин, его очищение «может свершиться лишь через обретение в себе творческих энергий, лишь через очищение нашей собственной души» [3, с. 9]. Здесь первую роль должны сыграть люди творческого духа. Идеальный русский язык автор предлагает искать в поэзии: облагородить обыденную речь, вернуть ей жизненность и силу — это дело прежде всего тех, кто обладает «творческими потенциями» [3, с. 9].

Статья, написанная молодым человеком ещё до октябрьских событий, в целом оптимистична, исполнена надежд: «возможно, великой трагедии суждено завершиться благодатным *очищением* души, — это очищение будет, вместе, и обретением в себе слова живого» [3, с. 9]. Несмотря на наивность и утопичность прогнозов, диагноз языковым процессам автор поставил точно. Спустя несколько лет тезаурус части советских граждан сократился до словаря ильфовской Элочки.

От кириллицы — к «мануйлице»

Если в устной речи реформатирование языковых норм происходило стихийно, то в речи письменной оно вводилось государственными циркулярами. Реформе правописания посвящены статьи Н.В.Досекина «Обязательная неграмотность» и Бориса Зайцева «Наш язык». Обе они опубликованы в номере «Народоправства» от 7 декабря 1917 г.

История реформы, её причины, проведение и последствия рассмотрены в ряде работ [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Стоит напомнить, что реформа готовилась задолго до революции: она обсуждалась в Орфографической подкомиссии при Императорской Академии наук под председательством А.А.Шахматова, созданной в 1904 г. и включавшей видных лингвистов — они-то и подготовили проект упрощения правописания. С самого начала обсуждения проекта российское общество разделилось: реформу поддерживали учёные-филологи, преподаватели школ, но резко возражали писатели и критики, они рассматривали традиционную орфографию как неприкосновенное национальное достояние.

В императорской России реформа была приостановлена, но Временное правительство, не мешкая, взялось за её реализацию: 11 мая 1917 г. было утверждено «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания» [11] (в нём перечислялись все изменения); вслед за тем циркуляры министра народного просвеще-

ния А.А.Мануйлова от 17 мая и 22 июня предписали попечителям учебных округов перевести школы на новое письмо. По имени министра новая орфография получила ироническое название «мануйлица».

Суть реформы состояла в устранении букв ъ, ѳ, і (заменяемых соответственно е, ф, и), а также твёрдого знака в конце слов; унификации окончаний для именительного и винительного падежей множественного числа всех родов (*добрыя дѣла* — *добрые дела*, *синія рѣки* — *синие реки*), замене окончаний *-аго*, *-яго* (*новаго* — *нового*, *ранняго* — *раннего*), замене словоформ женского рода *ея* на *её*, *онѣ* на *они*, замене *з на с* в приставках перед глухими согласными (*безполезно* — *бесполезно*) и в некоторых других изменениях [11]. Такое упрощение привело, в частности, к исчезновению различий в начертании ряда омонимов: *есть* (существует) и *ѣсть* (принимать пищу), *мирѣ* (покой, тишина) и *мірѣ* (вселенная) и т.п. [7; 8; 9].

Аргументы противников реформы носили, однако, не только лингвистический, но и культурно-исторический характер. Голоса протеста вновь раздались со стороны творческой интеллигенции: М.С.Шагинян в иронической заметке «Тяп да ляп» отмечала, что реформа принята лишь «для облегченья учеников приготовительного класса», «ей удастся много запутать и многому повредить», прежде всего как раз «делу народного просвещения». Автора заметки удручали общественные настроения в учительской среде, в которой смешивали политику с орфографией, букву ять — с царским режимом; по мнению писательницы, изгоняемая ять как раз «значительно упрощала» чтение. Вывод: «Ни научного, ни бытового оправдания реформе нет» [12]. Вас. Розанов в «Новом времени» писал о несвоевременности и нигилизме преобразований, когда в угоду ученикам вносится «ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка» [13].

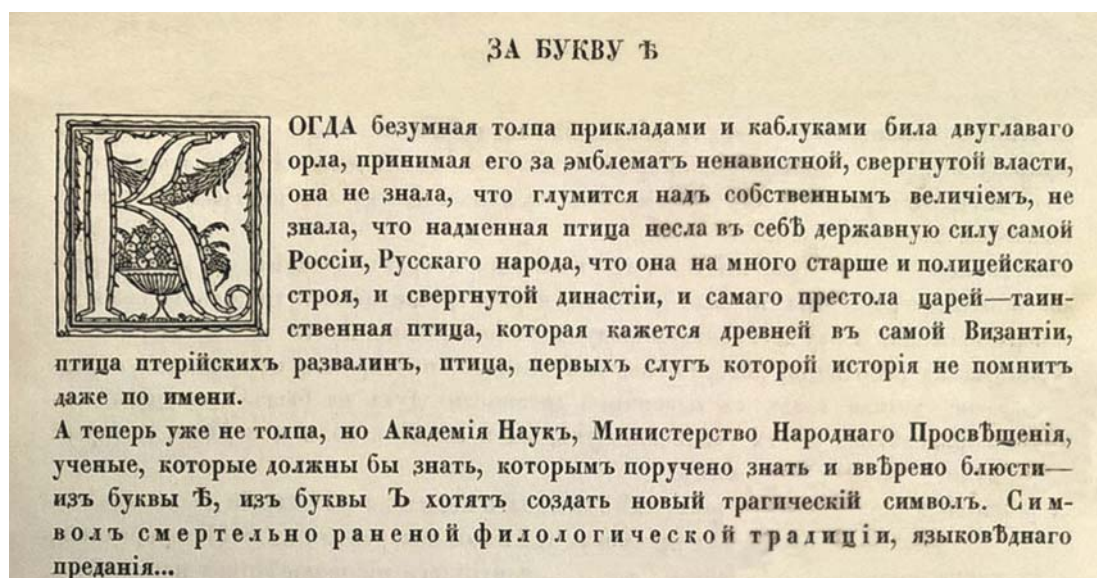

Рис. 3. Начало статьи В.А. Чудовского («Аполлон». 1917. № 4–5)

С настоящим манифестом в защиту традиционного письма выступил журнал «Аполлон»: в апрельско-майской книжке 1917 г. в качестве передовицы была напечатана статья поэта и искусствоведа В.А.Чудовского «За букву ъ» (рис. 3). Реформу он рассматривал в мистико-философском контексте как посягающую на «наследие веков» и наносящую смертельную рану филологической традиции. «Язык — религия; правописание — святой обряд её». Буква ъ есть «символ языковедного предания», и убийство этого символа станет убийством сути. Люди, у которых отняли ъ, «не дойдут до Пушкина. Они застрянут на площадных брошюрках. Не станут искать те, у кого отнято чувство сокровенного» [14, с. VI–VII]. (Подробнее о культуроохранительной позиции журнала «Аполлон» см.: [15].)

Вернёмся к журналу «Народоправство». Его авторы спустя полгода после выхода циркуляров о введении «мануилицы» возобновили полемику с адептами новой письменности и призывали к отмене министерских решений. Историко-культурный казус: уже в наступившую советскую эпоху авторы выступают против пунктов «упрощения русского правописания», принятых ещё Временным правительством, — за две недели до их под-

тверждения правительством большевиков (23 декабря 1917 г. нарком просвещения А.В.Луначарский издал декрет о переходе на новое письмо, повторяющий пункты майского постановления).

«Русский язык есть наше достояние, наше богатство»

Автор первой статьи, Николай Васильевич Досекин (1863–1935) (рис. 4) — живописец-пейзажист, скульптор, сценограф, член Товарищества передвижных художественных выставок, соучредитель Союза русских художников. Отмечая «всеобщее несочувствие реформе», автор последовательно и логично предъявляет претензии к реформе и выдвигает аргументы против неё:

1. Эстетическая несостоятельность: «мы до конца дней осуждены на отравленное чтение».
2. Неуместность и несвоевременность: в эпоху революции и мировой войны, неразрешённых социальных и политических проблем всё грамотное общество вынуждено «переучиваться и заниматься орфографическими упражнениями».
3. Несостоятельна апелляция к тому, что новые правила выработаны учёными-филологами, академиками: «Фило-

Рис. 4. Н.В. Досекин

логия есть наука историческая и не может диктовать свои требования языку».

4. Решение принято лишь ради «практического удобства безграмотной и полуграмотной России», академики выдали карт-бланш учителям: «делайте, как хотите; нам решительно всё равно, что вы сделаете из русского языка, так как *охранять его не стоит*» (курсив автора. — А.Л.).
5. Предъявлен упрёк и самим учителям, которые в массе поддерживали новое письмо: реформа сделана исключительно для нужд низшей школы и «вырублена с топорной прямолинейностью».
6. «Самое утверждение, что существующее правописание чрезмерно трудно для русского школьника, признаёт этого школьника принадлежащим к низшей расе, чем дети наших союзников Франции и Англии, где правописание представляет трудности без сравнения большие, чем у нас» [16, с. 9, 10].

Н.В.Досекин призывал к активному протесту против нововведений, к защи-

те отечественной культуры: «Русский язык есть наше достояние, наше богатство и мы не должны допустить расхищать его ни академиком, ни учителям низшей школы» [16, с. 10]. Вывод: «Комиссия, составленная из одних только филологов, учёных и педагогов, не должна быть признана правомочной в решении данного вопроса, а приговор её должен быть признан не имеющим никакой силы» [16, с. 10].

В основе реформы — «утилитаризм и плебейство»

В творческом наследии Б.К.Зайцева (рис. 5), утончённого лирика, певца «спокойствия», «уединения» и «тишины» (названия его рассказов), редко можно встретить острую публицистику на злобу дня. Яркое, страстное, эмоционально окрашенное слово впервые прозвучало из его уст именно в «Народоправстве», когда он выступил в защиту национальной культуры, «цветущей сложности» родной речи. Статья «Наш язык» — не единственная публикация Зайцева в идейно близком ему журнале, возглавлявшемся его другом Г.И.Чулковым. В первом и втором номерах писатель опубликовал свои воспоминания о событиях Февральской революции в Москве — в те дни он был юнкером Александровского военного училища [17]. После Октября, когда журнал включился в борьбу за свободу слова, Б.Зайцев помещает в нём «Открытое письмо А.В.Луначарскому», где обличает литератора и наркома просвещения в содействии тотальной цензуре и закрытии ряда газет [18].

В статье «Наш язык» Зайцев проявляет озабоченность явным снижением уровня образования, прежде всего школьного, в котором очевидны тенденции к «сокращению и упрощению». Он предвидит, что реформа приведёт к умственной и культурной деградации народа. Эти мысли перекликаются и с сегодняшними спорами, касающимися школьных курсов русского языка и литературы.

Указывая, что в реформе есть две стороны — филологическая и эстетическая, Зайцев включается в спор о том, сохраняется ли звуковое отличие гласных, обозначаемых буквами е и ѣ. В майских «Постановлениях...» говорилось, что эти буквы «в настоящее время произносятся одинаково» [11, с. 1]. Однако так считали не все: ряд учёных утверждал, что особое произношение ятя сохранялось в речи и в начале XX в. (В некоторых диалектах особый оттенок звука е на месте прежнего ятя наблюдается до сих пор.) Б. Зайцев убеждён: «Ять острее, я бы сказал — ядовитее по звуку, чем е. Горячее его. Оно почти всегда вызывает на себя ударение и смягчает предшествующую согласную. Отзвук древнего і в нём не утерян. Выбрасывать его — значит упрощать язык в дурном смысле, лишая его оттенка» [19, с. 7].

Но главный критерий, с которым Зайцев подходит к оценке реформы, культурно-эстетический: она искажает облик языка великой русской литературы. В подкрепление своей позиции Зайцев привлекает имена классиков: напоминает слова Тургенева о «великом и могучем» языке, приводит написание пушкинской строки в старой и новой орфографии, чтобы продемонстрировать бедность последнего варианта: «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда — Редее облаков летучая гряда». Лишь люди, напрочь лишённые эстетического чутья, согласятся с реформой:

«Безобразие, нетворческий и мертвенный характер реформы особенно ясны тогда, когда в руках держишь страницы, напечатанные на этом гнусном волапюке. Надо быть или ослеплённым фанатиком, или вообще ничего не понимать в языке, чтобы это нравилось. Дух Пушкина, Толстого, Гоголя передаётся теми же приёмами, какими безграмотный хулиган пишет на заборе» [19, с. 8].

Зайцев приводит мнение художников-оформителей: «графически новая письменность отвратительна. Она губит всякий, даже лучший шрифт» [19, с. 8]. Саркастиче-

Рис. 5. Б.К. Зайцев

ски отзывается о Н.А.Морозове, который призывал изъять «ненужные» буквы из типографий. Слой общества, для которого вопросы языка безразличны, — это «писатели-художники, те, кто полжизни провёл в общении со словом, для кого слово есть жизнь и воздух». Но мнение людей искусства было проигнорировано, и Зайцев варьирует тезис об антиэстетическом характере реформы:

«Утилитаризм и плебейство — вот основы “преобразования”. О каких “оттенках” можно говорить, когда никто из реформаторов ни о каких красках в языке не думал; ни о какой красоте языка — речи не подымалось, и подняться не могло, ибо реформа исходит не от художников слова, а от бухгалтеров его» [19, с. 7].

Может возникнуть вопрос, почему и Зайцев, и Досекин негативно отзываются о школьных учителях. Дело в том, что многие из них активно поддержали новшества. В частности, за реформу правописания высказался Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, проходивший в декабре 1916 — ян-

варе 1917 г. в Москве. О характере настроений после Февраля говорит, например, резолюция народных учителей Пензенского уезда, в которой они выразили своё «революционное требование» по поводу подлежащих исключению букв: «На правах революции изгнать их из употребления и вбить в их могилы осиновый кол. Да сгинет последний остаток ненавистной царской власти» (Цит. по: [12]).

Б.Зайцев ссылается на опыт Франции, где похожая попытка реформы орфографии «провалилась под ударами французских литераторов» [19, с. 7]. Французские писатели, опираясь на поддержку широкой общественности, заблокировали проект филологов. Традиционная беда русской культуры видится Зайцеву в том, что дела здесь вершат бездушные чиновники. Пассажи Зайцева звучат с горькой актуальностью:

«Характерно и то, как это нововведение вводилось: вполне игнорировали людей искусства, художников слова. Это уже древне-чиновничья русская записка. Русская литература, прославившая Россию на весь мир, чуть не единственное наше незыблемое достояние, — русская литература была на дурном счету как у Николая I и всех дальнейших, так и у нынешних хозяев. Русским художникам, которых при жизни все ругают, кому не лень, можно ставить иногда памятники (если кости вполне истлели). Но считаться с ними, признавать их голос влиятельным — это <...> чрезмерно. <...> Что же, русские писатели привыкли» [19, с. 8].

Одухотворённая, эмоционально напряжённая статья Б.Зайцева завершается призывом к русской интеллигенции не ограничиваться кулуарными пересудами, но решительно выступить в защиту традиций:

«...Нынешняя русская литература может и должна подать свой голос в вопросе, близко её касающемся. Иначе нашу прозу и стихи станут печатать на жаргоне при безгласии безгласной России.

Если нам это не понравится, нас спросят: “почему же вы молчали”?» [19, с. 8].

Голос классиков

Однако в условиях наступившей диктатуры публичный протест становился всё более проблематичным. Откликнулся Вяч. Иванов, написавший для известного сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918) свои заметки с точно таким же названием — «Наш язык» (очевидно, сознательно ориентируясь на Б.Зайцева [см.: 20, с. 208]). Возражая против «произвольных новшеств», поэт-символист говорит о духовном смысле реформы. Он усматривает в ней искусственное обмирщение языка, намерение вытеснить из него церковно-славянские элементы. Но к читателям этот текст попал нескоро: тираж сборника был изъят из обращения. (Детально проанализировал статью Вяч. Иванова В.П.Троицкий [20, с. 208–226].)

Другие литераторы оставили нелестные суждения о реформе лишь в дневниках — как, например, Александр Блок в записи от 18 января 1918 г.: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное моё возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией» [21, с. 319]. Иван Бунин записал 24 апреля 1918 г.: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» («Окаянные дни») [22, с. 88]; и позднее Бунин, вслед за Зайцевым, называл его «заборным». Зинаида Гиппиус в дневниковой записи от 1 сентября 1918 г. заметила: «ввели слепую, искажающую дух языка орфографию» [23, с. 441].

Таким образом, статья Б.Зайцева (наряду с заметкой Н.Досекина) стала первой апо-

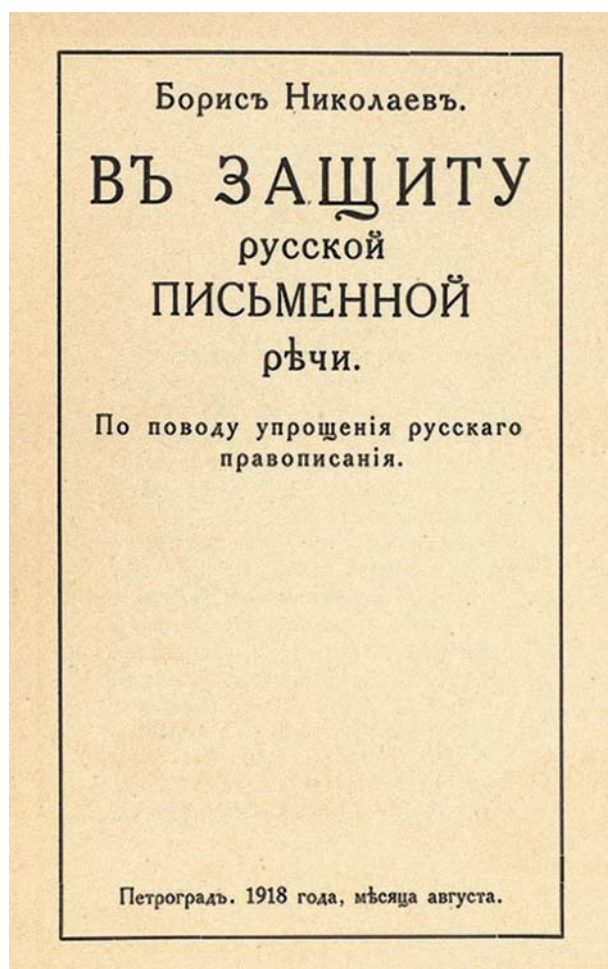

Рис. 6. Б.Н. Николаев. В защиту русской письменной речи. Пг., 1918. Титульный лист

логией традиционной орфографии, опубликованной в России советского периода. В последовавших за ней немногочисленных печатных выступлениях не только повторялись аргументы авторов «Народоправства», но приводились и новые. Историк культуры М.О.Гершензон в заметке «О новом правописании», опубликованной в эсеровской газете «Возрождение» в июне 1918 года [24], напомнил, что чтение есть прежде всего акт зрительный, в то время как в основание реформы положили принцип фонетический и тем самым смешали письменность и звучание. Ревнителя новшеств проф. П.Н.Сакулина, автора книги «Реформа русского правописания» (Пг., 1918), М.Гершензон обвиняет в «чудовищно-ненаучном обращении» с звучанием слова: так, невозможно без специальных аппаратных исследований судить

о том, сохранила ли буква ять особый звуковой оттенок. Зрительный образ слова, его духовное воздействие, заключённые в нём «незримые лучи», «нечто живое» — вот что упустили лингвисты-реформаторы [24, с. 5–6].

Активную деятельность развил художник и архитектор Борис Николаевич Николаев (1869–1953). В период с ноября 1917-го по июнь 1918-го он выступал в ряде творческих объединений, которые затем в своих резолюциях выразили «единодушное признание неудовлетворительности реформы правописания 1917 г. и опасности проведения её в жизнь» [25, с. VI]. К новой письменности он подошёл с позиций психофизиологии чтения и изложил свои воззрения в брошюре «В защиту русской письменной речи. По поводу упрощения русского правописания» (Пг., 1918) (рис. 6). Основная мысль автора: новое письмо, обслуживающее «обывательские интересы учителей», принесёт непоправимый вред русской грамотности [25, с. 39]. Изгнанные из алфавита буквы — вовсе не лишние знаки, они способствуют более быстрому, лёгкому и точному усвоению мысли. «По причинам устройства нашего глаза» затруднит чтение и исключение выступающих за линию строки букв (ѣ и і), и устранение конечного ъ, и унификация окончаний (аго-ого, ея-ее) [25, с. 9, 34, 37].

Возможности печатно выражать протест неуклонно сокращались, закрывались последние оппозиционные новой власти издания. 10 октября 1918 г. вышел ещё один декрет Совнаркома «О введении новой орфографии», окончательно закрепивший реформу. Использование традиционного правописания стало рассматриваться как дело политическое — пособничество контрреволюции. Из типографий насильственно изымались запрещённые наборные литеры — ять и ер. Так старое русское правописание было в буквальном смысле выкорчевано из культурной жизни народа [4; 7; 8]. Но большевики не со-

бирались останавливаться и на этом: «Советское Правительство прекрасно отдавало себе отчёт в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, “февральское”, а не октябрьское», — писал тот же А.В.Луначарский, активно продвигая радикальную идею перевода русского алфавита на латиницу, для чего в Наркомпросе была даже создана специальная комиссия [26].

Сам Борис Зайцев, ставший классиком литературы русской эмиграции, сохранял верность прежнему письму на протяжении всего творческого пути, завершившегося в 1972 г. Издания русского зарубежья в массе своей перешли на новую орфографию только в послевоенные годы, хотя некоторые печатные органы сохраняют её и поныне [6].

Дискуссия о реформе правописания переместилась в русское зарубежье. Политический, историко-культурный и духовный смысл реформы был проанализирован в работах Ивана Ильина «О русском правописании», «О наших орфографических ранах», «Как же это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании)»; архиепископа Аверкия (Таушева) «К вопросу о старой и новой орфографии». Эти и другие работы вошли в «Сборник статей о русском национальном правописании» [5] (подробнее см.: [9, с. 30–32]). Оценкам реформы, полемике и орфографической практике в русском зарубежье посвящены также работы М.Вендитти [27] и Е.А.Оглезневой [6].

Связь времён

Статья Зайцева — яркая, остро публицистичная — стала, безусловно, главным материалом «Народоправства», посвящённым судьбам языка. Блока и Бунина постоянно цитируют в трудах об истории орфографической реформы; работа Зайцева оказалась забытой и в отечественном, и в зарубежном литературоведении. Спустя век, в год 100-летия реформы, она републикована и теперь доступ-

на широкому кругу читателей и исследователей [28, с. 185–188].

Полемика по поводу реформы возобновилась в наши дни. Идеи авторов «Народоправства» зазвучали вновь на новом историческом этапе. Ряд учёных полагает, что отказ от традиционной орфографии был составной частью насильственного изменения культурного кода русского народа, и «сегодняшний упадок письменной и устной речи, беззащитность перед англоязычной экспансией и жаргонизмами» — прямые следствия этой ломки [7]. Современные филологи приходят к выводу: «Отказ от старой орфографии под предлогом того, что она была слишком трудна и громоздка <...> привёл к отчуждению носителя языка от самого облика классических литературных текстов, религиозной литературы, к отчуждению от духовности» [8, с. 123]. Утрату предшествующей письменной традиции Л.Н.Летягин расценивает как «необратимые потери» [29, с. 89], А.Э.Колотилова — как удар по основам языка, приведший к «тяжёлым последствиям» [9, с. 32].

О полном возвращении к прежнему письму речи не идёт, но ряд энтузиастов ставит вопрос о восстановлении старой орфографии в изданиях русской классической литературы, т.е. о возвращении ей первоначального вида [7; 9, с. 33; 30]. Необходимость сохранять исконный вид классических текстов отстаивали в самом начале реформы и Б.Зайцев, и А.Блок — литераторы, «для кого слово есть жизнь и воздух» [19, с. 7]. Первые попытки в этом направлении уже делаются, в частности, в 1995 г. под редакцией проф. В.Н.Захарова начато издание Полного собрания сочинений Ф.М.Достоевского в авторской орфографии и пунктуации [31], осуществлены электронные научные издания Г.Р.Державина, В.И.Даля, Ф.М.Достоевского, М.М., А.М. и А.Г.Достоевских, И.С.Шмелёва, Б.К.Зайцева, И.А.Бунина на сайте кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета [32].

Надеемся, что яркие выступления литераторов и художников в «Народоправстве», извлечённые из векового забвения, займут подобающее место в истории русской мысли. Ведь наполняющий их пафос сбережения ценностей отечественной культуры не утратил актуальности и сегодня. Опасности, угрожающие речевой культуре современного российского общества, очевидны: оскудение и вульгаризация словарного запаса, опошление и выхолащивание речи, утрата чувства красоты языка, засорение его иностранными терминами и словесными оборотами, экспансия латиницы и другие явления, разрушающие заклю-

чённый в языке национальный культурный код.

Сто лет назад лучшие деятели России не остались равнодушны к судьбе родного языка и сочли своим долгом встать на его защиту. Их деятельная забота о чистоте и богатстве русского слова и сегодня служит вдохновляющим примером для творческих и общественных деятелей, учёных и преподавателей, писателей и публицистов. В наши дни насущно необходимы столь же бескомпромиссные, убедительные и аргументированные работы в защиту русского языка. Без такой поддержки трудно будет сберечь, по завету И.Бунина, «наш дар бессмертный — речь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колеров М.А. «Народоправство» (1917–1918): Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб.: Алетейя, 1998. С. 277–286.
2. Толстая Е.Д. Алексей Толстой в революционной Москве // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2004. № 11. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/11/tolstaya11.shtml> (дата обращения: 14.12.2017).
3. Аркин Д.Е. Судьба языка // Народоправство. 1917. 1 сент. № 8. С. 7–9.
4. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004.
5. Сборник статей о русском национальном правописании. М.: Издательство ЛКИ, 2006.
6. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект // Вестник Томского ГУ. 2007. № 299. С. 16–23.
7. Фёдоров А.В. К 90-летию декрета о введении новой орфографии // Русский Вестник. Дата публикации: 05.11.2008. Эл. ресурс: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698> (дата обращения: 14.12.2017).
8. Каверина В.В., Лещенко Е.В. Буква «ять» как идеологема российского дискурса на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 117–124.
9. Колотилова А.Э. Буквенные изменения в русском алфавите // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 29–36.
10. Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: от «книжной искусственности к живой простоте» // Русский язык в школе. 2017. № 3. С. 67–71.
11. Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. Пг., [1917].
12. Шагинян М.С. Тяп да ляп. (Письмо в редакцию) // Русская Воля. 1917. 2 июля. № 155. С. 2.
13. Обыватель [Розанов В.В.] Заметки о новом правописании // Новое время. 1917. 14 (27) июня, № 14802. С. 4.
14. Чудовский В.А. За букву ъ // Аполлон. 1917. № 4–5. С. V–VIII. Републиковано: Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 68–72. Публикация О.С. Широкова.
15. Красовский В.Е. Журнал «Аполлон» и становление экологии культуры в России // Русская литература и журналистика в движении времени. 2013. № 1. С. 87–111.
16. Досекин Н.В. Обязательная безграмотность // Народоправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 8–10.

17. Зайцев Б.К. «Мы, военные» // Народноправство. 1917. № 1. С. 7–9; № 2. С. 5–7. Републиковано (в сокращении): Любомудров А.М. «Господа юнкера, кем вы были вчера...» Отрывки из воспоминаний писателя Серебряного века Бориса Зайцева (1881–1972) – московского юнкера в дни февральских событий 1917 года // Родина. 2017. № 2. С. 98–103.
18. Зайцев Б.К. Открытое письмо А.В.Луначарскому // Народноправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 16. Републиковано: Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6. С. 327–328.
19. Зайцев Б.К. Наш язык // Народноправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 7–8.
20. Троицкий В.П. «Парерга и паралипомена»: (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» – публикация, комментарии и размышления) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А.Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 203–226.
21. Блок А.А. Собр. соч.: В 9 т. М., Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7.
22. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.
23. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ. имен Т.Ф.Прокопова. М.: Русская книга, 2005.
24. Гершензон М.О. О новом правописании // Возрождение. Большая ежедневная политическая и литературная газета. 1918. 9 июня (27 мая), № 7. С. 5–6.
25. Николаев Б.Н. В защиту русской письменной речи (По поводу упрощения русского правописания). Пг., 1918.
26. Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 20–26. Эл. ресурс «Наследие А.В.Луначарского», URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (дата обращения: 14.12.2017).
27. Вендитти М. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К.Кульман и Ф.А.Браун) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014. № 5. С. 716–722.
28. Любомудров А.М. «Утилитаризм и плебейство – вот основы преобразования». Статья Б.Зайцева «Наш язык» в контексте орфографической реформы // Москва. 2017. № 3. С. 183–188.
29. Летягин Л.Н. «Путник, движимый глаголом»: модели поступания между знаком и символом // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 1. С. 86–93.
30. Труды по русскому правописанию. Магадан: Новое Время, 2017. Вып.1.
31. Захаров В.Н. Подлинный Достоевский // Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В.Н.Захарова. Т.1.Петрозаводск, 1995. С. 5–13.
32. Электронные научные издания: Г.Р.Державин, В.И.Даль, Ф.М.Достоевский, М.М.Достоевский, А.М.Достоевский, А.Г.Достоевская, И.С.Шмелёв, Б.К.Зайцев, И.А.Бунин // URL: <http://philolog.petsu.ru/> (дата обращения: 14.12.2017).

ENGLISH

Dedicated to the centenary of Russian spelling reform. The fate of Russian language in the publications of Narodopravstvo weekly

Alexei Markovich Lyubomudrov — Dr. Hab. of Philology, leading researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; head of project “Unpublished heritage of the classics of Russian émigré literature” (15-04-00102a).

E-mail: anketaspb@yandex.ru

The work dedicated to the 100th anniversary of the Russian spelling reform deals with the history of the fight for the national cultural values in the epoch of revolutionary destruction. The research focuses on the publications of 1917 in Narodopravstvo weekly that have been staying out

of view of the academicians. These are articles “Fate of language” by D. Arkin, “Obligatory illiteracy” by N. Dosekin and “Our language” by B. Zaytsev. These works allow to clarify some specifics of linguistic consciousness of the Russian society, bring additional shades to the picture of cultural and historical process of early 20th c. Realizing the threat of the cultural layer destruction, the authors of the articles oppose the escalation of negative trends in language and suggest the ways to purify Russian speech, bringing back its vitality and strength. The central point of polemics is the spelling reform begun by the Provisional government and then violently enforced by the Bolsheviks. Arguments against new spelling, the most important of them being a gap with centuries-old heritage of the people are considered.

The work also includes the review of declarations of writers and creative figures who attempted, following suit to Narodopravstvo, to have the reform cancelled in the first year of the Soviet power. Evaluations of traditional spelling among the Russian émigré and in the modern academic discourse are also presented.

Keywords: D.E. Arkin, N.V. Dosekin, B.K. Zaytsev, Russian literature, Russian language, speech, spelling reform, orthography, alphabet, art, cultural values, Russian revolution, 1917

REFERENCES

1. Kolerov M.A. «Narodopravstvo» (1917–1918): Rospis' soderzhaniya // Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1997 god. SPb.: Aleteyya, 1998. S. 277–286 (in Russian).
2. Tolstaya E.D. Aleksey Tolstoy v revolyutsionnoy Moskve // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2004. № 11. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/11/tolstaya11.shtml> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
3. Arkin D.E. Sud'ba yazyka // Narodopravstvo. 1917. 1 sent. №. 8 S. 7–9 (in Russian).
4. Grigor'eva T.M. Tri veka russkoy orfografii (XVIII–XX vv.). M.: Elpis, 2004 (in Russian).
5. Sbornik statey o russkom natsional'nom pravopisanii. M.: Izdatel'stvo LKI, 2006 (in Russian).
6. Oglezneva E.A. Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e: orfograficheskiy aspekt // Vestnik Tomskogo GU. 2007. № 299. S. 16–23 (in Russian).
7. Fyodorov A.V. K 90-letiyu dekreta o vvedenii novoy orfografii // Russkiy Vestnik. Data publikatsii: 05.11.2008. El. resurs: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
8. Kaverina V.V., Leshchenko E.V. Bukva «yat'» kak ideologema rossiyskogo diskursa na rubezhe XIX–XX vv. // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2008. № 3. S. 117–124 (in Russian).
9. Kolotilova A.E. Bukvennye izmeneniya v russkom alfavite // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. 2011. № 12 (107). Vyp. 10. S. 29–36 (in Russian).
10. Grigor'eva T.M. Reforma russkoy orfografii: ot «knizhnoy iskusstvennosti k zhivoy prostote» // Russkiy yazyk v shkole. 2017. № 3. S. 67–71 (in Russian).
11. Postanovleniya soveshchaniya po voprosu ob uproshchenii russkogo pravopisaniya, prinyatye 11 maya 1917 g. Pg., [1917] (in Russian).
12. Shaginyan M.S. Tyap da lyap. (Pis'mo v redaktsiyu) // Russkaya Volya. 1917. 2 iyulya. № 155. S. 2 (in Russian).
13. Obyvatel' [Rozanov V.V.] Zametki o novom pravopisanii // Novoe vremya. 1917. 14 (27) iyunya, № 14802. S. 4 (in Russian).
14. Chudovskiy V.A. Za bukvu Ъ // Apollon. 1917. No 4–5. S. V–VIII. Republikovano: Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya. 1991. № 6. S. 68–72. Publikatsiya O.S. Shirokova (in Russian).
15. Krasovskiy V.E. Zhurnal «Apollon» i stanovlenie ekologii kul'tury v Rossii // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2013. № 1. S. 87–111 (in Russian).

16. Dosekin N.V. Obyazatel'naya bezgramotnost' // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 8–10 (in Russian).
17. Zaytsev B.K. «My, voennyye» // Narodopravstvo. 1917. № 1. S. 7–9; № 2. S. 5–7. Republiковано (v sokrashchenii): Lyubomudrov A.M. «Gospoda yunkera, kem vy byli vchera...» Otryvki iz vospominaniy pisatelya Serebryanogo veka Borisa Zaytseva (1881– 1972) – moskovskogo yunkera v dni fevral'skikh sobytii 1917 goda // Rodina. 2017. № 2. S. 98–103 (in Russian).
18. Zaytsev B.K. Otkrytoe pis'mo A.V. Lunacharskomu // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 16. Republiковано: Zaytsev B.K. Sobr. soch.: V 11 t. M.: Russkaya kniga, 1999. T. 6. S. 327–328 (in Russian).
19. Zaytsev B.K. Nash yazyk // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 7–8 (in Russian).
20. Troitskiy V.P. «Parerga i paralipomena»: (Stat'ya Vyacheslava Ivanova «Nash yazyk» – publikatsiya, kommentarii i razmyshleniya) // Vyacheslav Ivanov: Tvorchestvo i sud'ba: K 135-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. E.A. Takho-Godi. M.: Nauka, 2002. S. 203–226 (in Russian).
21. Blok A.A. Sobr. soch.: V 9 t. M., L.: GIKHL, 1963. T. 7 (in Russian).
22. Bunin I.A. Okayannyye dni. M.: Sovetskiy pisatel', 1990 (in Russian).
23. Gippius Z.N. Sobranie sochineniy. T. 9: Dnevnik: 1919–1941. Iz publitsistiki 1907–1917 gg. Vospominaniya sovremennikov / Sost., primech., ukaz. imen T.F. Prokopova. M.: Russkaya kniga, 2005 (in Russian).
24. Gershenzon M.O. O novom pravopisanii // Vozrozhdenie. Bol'shaya ezheдневnaya politicheskaya i literaturnaya gazeta. 1918. 9 iyunya (27 maya), № 7. S. 5–6 (in Russian).
25. Nikolaev B.N. V zashchitu russkoy pis'mennoy rechi (Po povodu uproshcheniya russkogo pravopisaniya). Pg., 1918 (in Russian).
26. Lunacharskiy A.V. Latinizatsiya russkoy pis'mennosti // Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. 1930. № 6. S. 20–26. El. resurs «Nasledie A.V. Lunacharskogo», URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
27. Venditti M. Vopros o reforme orfografii v emigratsii (N.K. Kul'man i F.A. Braun) // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2014. № 5. S. 716–722 (in Russian).
28. Lyubomudrov A.M. «Utilitarizm i plebeystvo – vot osnovy preobrazovaniya». Stat'ya B. Zaytseva «Nash yazyk» v kontekste orfograficheskoy reformy // Moskva. 2017. № 3. S. 183–188 (in Russian).
29. Letyagin L.N. «Putnik, dvizhimyy glagolom»: modeli postupaniya mezhdru znakom i simvolom // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2010. № 1. S. 86–93 (in Russian).
30. Trudy po russkomu pravopisaniiyu. Magadan: Novoe Vremya, 2017. Vyp.1 (in Russian).
31. Zakharov V.N. Podlinnyy Dostoevskiy // F.M. Dostoevskiy. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty / Pod red. V.N. Zakharova. TI. Petrozavodsk, 1995. S. 5–13 (in Russian).
32. Elektronnyye nauchnye izdaniya: G.R. Derzhavin, VI. Dal', F.M. Dostoevskiy, M.M. Dostoevskiy, A.M. Dostoevskiy, A.G. Dostoevskaya, I.S. Spmelyov, B.K. Zaytsev, I.A. Bunin // URL: <http://philolog.petsu.ru/> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).